

НЕ БУДЬ КАЗАНСКОЙ СИРОТОЙ

Советы психолога перед сессией

1. Совет бывалого студента: "Когда я чувствую страх, неуверенность, робость, то категорично и строго приказываю себе: Быстро успокойся! Хватит паниковать! Немедленно возвращайся в руки из работы!" Такой самоприказ действует, как бодрящий душ, настраивает на продуктивную работу.

2. Очень важны внущение и установка на высокую самоотдачу. Наряду со знаниями хорошему результату способствует прочная позиция: "Сдать экзамен на хорошо и отличко", желание и воля.

3. Старайтесь читать материал крупными блоками, разделами. Сначала чтение - просмотр, затем подробное изучение - запись основных положений. "Хоть память прочная - большое благо, но все же надежней память бумаги!" Краткие записи на отдельных карточках включают название вопроса развернутый план содержания ответа с выводом. Такие записи нужны для быстрого повторения.

4. От механического переписывания формул и цифр на шпаргалки знаний не прибавится и память не станет прочнее. Напротив, она от этого становится "песочной". Механические записи всегда настраивают на забывание.

5. Вырабатывайте навык излагать текст "от себя" вслух, пересказывая его своими словами. При этом ты помешаешь лучше и запомнишь материал проще.

6. При чтении не только не кури, но и знай, что одна выкуренная сигарета снижает объем памяти на 5-6 процентов.

7. Выключи радио, магнитофон при чтении. Воздействие радиошума на работоспособность в 8-10 раз больше, чем шума уличного.

8. Понятно, что раньше ты привык мыслить логически, а вот сейчас попробуй представлять недоглиевые мысленные образы, связывая с ними запоминаемую информацию. Ассоциативный метод - это метод зацепок и связок. Пользуйся им, и ты полу-

чишь блестящую память.

9. Четкий режим труда и отдыха - залог успеха. Нужно учиться при этом, что наибольшая активность умственной работы в утренние часы до обеда (с 6 до 13 часов), после этого она постепенно снижается до 17 часов, дальше, до 21 часа следует новый подъем, а затем наступает быстрое падение работоспособности. Наиболее низкая активность приходится на 2-4 часа ночи. И еще: все знают, что читать лежа - вредно, но редко кто из студентов этого не делает...

10. Для содержательного общения с экзаменатором у тебя должен быть определенный запас ключевых слов и терминов, по предмету, несущих главную смысловую нагрузку. Их можно назвать зернами смысла, опорными словами. Для разговорной тренировки эффективна такая игра: за одну минуту постарайся назвать 60 таких слов.

11. Вот и наступил тот долгожданный день экзамена, который принес вам успех.

Хорошо выспались, встали рано утром и успели по своим запискам повторить особо трудный материал. Позавтракали? А оделись по-праздничному? Конечно, не забыли "счастливое" платье, рубашку. Давайте себе заранее установку с целью внесения веры в успех, убеждения в прочных знаниях. И не надо "плакаться в платочек" перед друзьями, мол, я ничего не знаю, много еще не успел пройти по билетам, что, наверное, схвачу двойку. Такая психологи-

ческая игра под названием "казанская сирота" ни к чему хорошему не приведет.

12. Перед входом в аудиторию ослабьте высокое нервное напряжение надо следующими приемами: поднимись по лестнице на четвертый этаж раза три-четыре, и это как рукой снимет волнение. Возьми себя в руки. Не допускай изменения состояния движения, защемления мышц, речевых сбоев, особенно в момент взятия билета и начала подготовки ответа. При

сильном волнении удобнее сядь в позу "кучера" и попытайся сказать себе уверенно: "Успокойся, ничего страшного, сейчас все будет в порядке".

Сделай 3-4 успокаивающих вдоха и выдоха, расслабь мышцы лица, вызови чувство тяжести во всем теле, прохладу во лбу и мысленно произнеси формулу: "Настроение бодрое! Голова ясная! Я верю в успех!"

На снимке: перед сессией.

Фото А. ШАДРИНА.

ОМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, с новым годом!

ОРГАН СОВЕТА ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

* N 1 (47)

* 10 января 1992 г.

* Цена 20 коп.

Говорят, в год Обезьяны ничего нельзя желать окружающим всерьез, ибо она может сорвать кого угодно на любой безумный поступок. Но мы, граждане бывшего СССР, настолько привыкли за годы перестройки к безумным (а, вернее, безответственным) поступкам нашего руководства, что... Однако думаем, что наши скромные подборки - новогоднее представление по мотивам "Трех мушкетеров", состоявшееся 26 декабря в ДК "Химик", внесло в нашу жизнь частичку тепла, доброты, света, так необходимых всем сегодня. В нем участвовала группа театра миниатюр "Домовой" в составе Андрея Козлова, Бориса Худобенко, Сергея Сорокурова, Бориса Гнатко, Сергея Кульгина, Андрея Ледовских, Александра Вольмана, Константина Лебедева, Виктора Ботолкина, Натальи Римофеевой, Инны Смольниковой, Ольги Гончарук, Светланы Самоделкиной, Татьяны Юнчевой.

На снимке: Дартанян - А. Ледовских, Бонашева - Н. Тимофеева; зал полон.

Фото А. ШАДРИНА.

ПОДАЙТЕ НА ПРОПИТАНИЕ

В конце декабря на заседании ректората решено вместе с январской стипендий выплатить студентам и слушателям подготовительного отделения по 70 рублей на питание, перечислив 190 000 рублей в фонд социальной помощи нуждающимся студентам.

Для справки: в декабре на эти деньги можно было купить 3 кг яблок или 3 кг мандарин. Что ж, в год Обезьяны надо переходить на ее рацион. Жаль, нет бананов!

ПРЕДНОВОГОДНИЙ УЧЕНЫЙ СОВЕТ

начался с насущного - решения (пока на январь) об увеличении стипендии до 310 рублей всем успевающим студентам (тем, кто учится без троек - до 340, тем, кто только на пять - до 370). Аспирантская стипендия - 400 руб., студенты-сыроты получат 430 руб., слушатели подготовительного отделения - 270 руб. Специально для ворчунов: решение принято советом на свой страх и риск, без распоряжения "сверху", выплаты из собственного бюджета.

В "ногу со временем" переименованы две кафедры. Кафедру государственного права, управления и советского строительства (зав. кафедрой А. И. Казанник) отныне постановлено называть кафедрой государственного и муниципального права, а кафедру этнографии, историографии и источниковедения истории СССР (зав. кафедрой Н. А. Томилов) теперь называется кафедрой этнографии и современной отечественной истории.

Несколько изменены правила

приема в ОмГУ на 1992-й год по сравнению с предыдущими. Выделено некоторое количество мест для приема на компенсационной основе (т.е. с платой за обучение): на математический и исторический факультеты - по 10, на юридический - 25, на экономический - 15 сверхплановых мест), это при том, что остаются сверхплановые места для лиц немецкой национальности). Измененное где-либо и набор дисциплин для вступительных экзаменов, так, на химическом факультете будет заменена физикой, на истфаке вместо устного экзамена по литературе будет сдаваться отечественная история XX века (первый профильный экзамен теперь - по отечественной истории IX-XIX вв.). Из правил приема на заочное и вечернее отделения исключен пункт о льготах для спецстажистов, демобилизованных из СА и окончивших средние специальные учебные заведения по родственной специальности).

Кто бы мог подумать, что настоящий диспут разгорится из-за пункта

N 1 "Правил приема..." - кого же принимать в ОмГУ? Ранее он был изложен так: "... принимаются имеющие среднее образование гражданине СССР".

Новая редакция исключила последнее слово, но чем же заменить его? просто - "граждане"?

Или перечислить все суверенные республики? А, может (и некоторые склонились к этому),

принимать абитуриентов из того же,

к примеру, Казахстана как иностранцев - за плату? Ведь и сейчас в нашем вузе обучается свыше 20 процентов студентов из России. Или

принимать "ингородных", как и прежде, на общих основаниях, однако потребовав двойного гражданства, например, России и Азербайджана? К единому мнению пока так и не пришли.

Ужесточены также правила отчисления студентов за академическую неуспеваемость. Теперь имеющий три и более задолженностей по учебному плану без уважительной причины отчисляется без предоставления ему права на перевыпуск.

Издательство "Омская правда" приносит свои извинения коллективу ОмГУ, редакции газеты за задержку новогоднего номера "ОУ" по вине типографии.

ресдач (в том числе комиссии, создаваемой деканом по заявлению студента).

Обсуждена также возможность с 1992/93 учебного года замены курсом ГО курсом "Основы медицинских знаний и охраны здоровья детей" на факультетах, готовящих преподавателей (кроме юридического и экономического) в объеме 108 аудиторных часов на основе договора с медицинским колледжем (ОМУ-3).

Заключительный вопрос повестки дня учебного совета - о подготовке ОмГУ к аттестации - отложен на январь.

На этом же заседании утверждены в ученым звании профессора АЛЕКСЕЕВ Петра Демидовича, доктор физико-математических наук (кафедра физики твердого тела), БЕРЕСТОВСКИЙ Валерий Николаевич, доктор физико-математических наук (кафедра математического моделирования), КАЗАННИК Алексей Иванович, доктор юридических наук (кафедра государственного и муниципального права), СЛЕСАРЕВ Владимир Львович, доктор юридических наук (кафедра гражданского права и процесса), ТОПЧИЙ Валентин Алексеевич, доктор физико-математических наук (кафедра математического анализа). В ученым звании доцента - ИССЕРСО Оксана Сергеевна, кандидат филологических наук (кафедра общего языкознания). Надолжность заведующего кафедрой всеобщей истории утвержден кандидат исторических наук доцент САДРЕТДИНОВ Генрих Кутдулович, профессора кафедры педагогики и психологии - ШЕРБАКОВ Евгений Павлович, доктор психологических наук, доцента кафедры педагогики и психологии - ДУБЕНСКИЙ Юрий Петрович.

**Я есть путь
и истина
и жизнь**

МН-91

Свет Вифлеемской звезды

"Когда родился Христос, перестало биться сердце Рима" - изящная, почти поэтическая метафора Александра Блока точно и емко выражает, однако, сковенную суть тех отдаленных от нас событий, что изменили однажды декабрьским вечером жизнь целого мира. "Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока, и говорят: "Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему..." (от Матфея, 2: 1-2)...

"Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь Жизни своей и возврате в отчизну..." Гомеровские гекзаметры мешались с латинскими, память вновь пробуждала горестные мысли. Пальцы коченели и стило не слушались их - буквы уже не выстраивались центуриями на огрубелом от сырости и холода пергаменте, но рассыпались подобно варварам, сбегающим по склону холма с дикими криками и быстрыми молитвами своим неразумным богам навстречу врагу и своей смертной доле. Огонь в очаге угасал, и надо было встать, пойти за хворостом, поддержать мерцающее пламя. Но и воля вместе с пальцами стыла, одни мысли - скорбные и высокие - обжигали память.

В глазах, если их закрыть, заслонить от языков теплящегося еще огня холодными ладонями, вставал величественный, родной до боли облик Вечного Града. Суровая и строгая отчизна напоминала властно о себе. Там осталось не

только все, что было в жизни у него до безжалостной опалы, но, казалось, там остался он сам, а здесь, в холодном и диком лесном краю, поселился лишь жалостный призрак его истрадавшейся души.

Форум, залитый солнцем, резкие южные стени, прорезающие уютное пространство внутреннего дворика его дома, заплаканное лицо жены - точно такое, каким он видел его последний раз в своей жизни, оборотившись с порога. И каменное божественное, почти чеканное лицо принцепса, жесткие слова, упреки, не заслуженные им - видят боги! И горечь осознания чудовищной несправедливости, и странное спокойное чувство необходимости повиноваться, лица друзей, прячущих глаза, стыдливо комкающихся разговор. И улицы Города, родная речь, высокое голубое небо... По щеке его сползла скучная слеза, он дрогнул ее вялой ладонью, но вслед той накатилась еще одна. Он был уже стар и страшно одинок. Поэт плакал.

Запорогом выла сарматская метель. Первые годы ему было трудно привыкнуть и к самому холоду, и к обильным снегопадам, пронизывающим ветрам, к вою волков сквозь звуки зимнего ненастя. Но теперь ему казалось порой, что чужая зима даже нужна его измученной душе, ибо обостряет его притупившиеся чувства. Стихи рождаются легче в это тяжкое время года.

А стихи были скорбными и пронзительными, словно он желал ими приблизить свою смерть - желанную и отталкивающую страшную одновременно. В стихах он надеялся прожить намного дольше, чем отведенено Судьбою бренному человеческому телу и истосковавшемуся сердцу в жизни земной. Даже благие и всесильные боги не властны над своим роком, и они точно так же отступают перед неумолимой Судьбой. Есть ли что выше слепой судьбы, неужто никакой единий вселенский разум не правит миром? Неужели человека ожидает только мрачное и безмолвное царство теней?

Стихи должны были стать заступниками, вымолить прощение справедливого божественного принцепса, разнести Городу и миру весть о том, что он жив, что он мыслями и чувствами во всеми согражданами, что он готов питать славу свою новыми творениями, а не одними старыми заслугами. Стихи должны были пережить его. Он имел не меньшее право, нежели когда-то Гораций посчитать свои стихи Монументом, что тверже меди...

Сразу за порогом стояла темная глубокая ночь, наполненная ветром, колючим снегом и чужими звуками, дыханием непонятного - не понятого за все годы, что он здесь! - мира. Порог был стиснут льдом, твердым и бесстрастным. Лед сковывал реку во тьме ночи. Здешние варвары называли реку Дунай и устраивали на ее льду игры, разъезжая по льду с помощью полозьев, примотанных к ногам и плетеным сиденьям. Он так и не привык ни к имени этой чужой реки, совсем не похожей на родной Тибр, ни к зимним утехам и грубому веселью подгулявших варваров. Римский плебей, орущий во всю глотку в цирке "Добей его!" и обдающий всех вокруг запахом латука и дрянного вина, ничуть ни милее косматого, закутанного в мохнатую овчину сармата, разгоряченного морозом и шумными катаниями по льду, пахнущего овечьим сыром и кислым пенистым напитком, которое тут поглощают в неимоверных количествах на редких, сказать по правде, празднествах. Но римлянин был соотечественником, пусть и плохим, а сармат или гет был все же варварам, пусть и добрым и в сущности вполне терпимым в общении. Он, Поэт, оставался чужеземцем для них, и мало этого сказать, но оставался сколком того горячо любимого, оставленного лишь под гнетом судьбы

бы и властного приказа мира. Никакого другого он не знал и не хотел думать о всем том, что не умещалось в строгие очертания этого замкнутого царства установленных предками законов и традиций...

Мир этот звался Рим. И не было такого другого, или же даже подобного хоть в чем-нибудь, не было во всем свете, подвластном воле богов - римских и многочисленных варварских. Он не мог изменить этому миру даже в минуты отчаяния и обиды. Даже бытовых мелочах своего скучного существования здесь, вдали отечественных пенатов, он не мог позволить себе отказаться от некоторых привычек, заведенных кем-то до него правил. Только такое упорное вынужденное тщеславие спасало его. Иначе было не выдержать всех испытаний, обрушившихся на него. Дух его не был сломлен только оттого, что его поддерживало тщеславие. А если ли что-либо иное, способное удержать слабую душу человеческую на опасной грани между невыносимым отчаянием и безрассудным дерзким бунтом смертного человека против небес?

Быть римлянином значило для Поэта многое. Это значило происходить из славного предка рода, принадлежать к освященному веками и законами незыблемому целому - чье гордое имя Народ Римский. Остальной мир принадлежал Риму, разве осмелится кто сказать иначе? "Нет уже идея, ни язычника; нет раба; свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе" - это еще не сказано никем, и Павел еще не апостол, неразумное дитя, играющее в бабки подле порога отеческого дома... Быть римлянином - значит быть соратником принцепса, современником Божественного Октавиана Юлия, исполнять его волю, следуя предначертаниям бессмертных богов. Отец народа, восстановитель Республики, мудрейший из мудрых, справедливейший из справедливых. Кто дерзнет сравняться с ним в его авторитете? Под его дланью вся знаемая земля...

Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали

так часто:

Август Цезарь, отцом божественным

вскормленный, снова

Век вернет золотой на Латинские пашни,

где древле

Сам Сатурн был царем, и пределы державы

продвинет,

Индия край покорив и страну рамантов, в те

земли,

Где не увишишь светил, меж которыми

движется солнце...

Анхизово прорицание исполнилось, мог ли думать славный Вергилий, что воспеваемый им Цезарь совершил более того, что предсказывал ему поэт, общавшийся с самими богами и свидевший в тайнах грядущего? Как странно, некогда он заучивал вместе с другими своими соратниками по учению строки великой "Энеиды" и не знал, что Парки уготовили ему самому этот тяжкий и возвышенный удел Поэта! Нет давно Вергилия, но Цезарь, хвала богам, здравствует, властной рукой простер закон и мир в пределы державы. Слава его перешагнула и за них, вызывая в варварских землях ропот почтения и изумленного страха.

Но не обязан ли Цезарь свою славой не только богам и своей твердости, но и его, поэта, творениям? Разве не Гомер воспел подвиги Агамемнона? Разве не Вергилий запечатлел деяния молодого Августа? И он, Публий Овидий, разве не укреплял эту славу, разве не продолжил великую летопись славной судьбы? За что же, о милосердные боги, обрушился на него гнев Цезаря? Изо дня в день, месяц за месяцем, годы уже таращили эти раздумья. Но он был римлянин и принял суровое решение своего Цезаря

без ропота и возмущения. Только разум его, признавая государственную правоту наказания, не мог принять все же до конца, какой-то подлый червь сомнения точил изнутри мозг и сердце - степень кары. Что содеял он столь преступное, заслуживающее вечного изгнания? Лучше бы смерть, приговор более милосердный, нежели этот, обрекающий его, в придачу к страданиям физическим, на муки сознания... За то, что жив, что терплю все тяготы

стойко,

Что не постыла мне жизнь и треволенея

ее,

Муза, спасибо тебе! Ибо ты утешение

приносишь,

Отдых даешь от тревог, душу приходишь

целить...

Уже высохли слезы на старческих щеках. Поэт бесстрастно глядел в затухающий огонь очага, отрешенно ворошил тлеющие угли. Точно так же в душе своей он лениво и даже как-то привычно - это сделалось чудовищным ритуалом его каждого одинокого вечера - ворошил неугасимые угли былой обиды. Теперь он не перебирал возможных своих ошибок, не ломал голову над теми обстоятельствами государственной необходимости, которые могли заставить Цезаря избрать его, Поэта, показательной жертвой жестокого эдикта. Справедливого? Нет. И уже действия героев прошлого, их дисциплинированный жертвенный выбор - будь это подвиг Гая Муция, прозванного Сцеволой, консула Деция Мусы, либо достославных женщин, матери и супруги Кориолана, жены Лукреции Коллатина - не убеждали его ни в чем. Что их подвиги, освященные доблестной историей маленького Отечества? Кто объяснит ему, лишенному злым роком Отечества, смысл его подвига? Сердце Рима уже перестало биться. Мир раздвинулся до непостижимых звездных пределов. Кто определяет течение светил, кто следит за нитями человеческих жизней?

Он нашел в себе силы все же подняться, закутавшись в теплый старческий плащ, нехотя оставил нагретую теплом тела широкую скамью. Взял с полу веревку для хвороста, подбросил на угли последние щепки и вышел за скрипучую дверь.

Метель уже давно утихла. Звездное зимнее небо было ясным до прозрачности. Высокое и почти черное, оно как-то странно убаюкивало суетную человеческую волю. Среди видимых звезд трепетал далекий-предалекий от света давно погасшей звезды. Такие быстрые, взметнувшиеся и падающие вмиг звезды, род людской суеверно привык отождествлять с исключительными знаменаниями. Изменят ли этот несчастливый гигантский мир, не управляемый уже жалкими богами, неукончный для потерявших свой путь людей, какие-то дрожащие звезды?

Поэт не знал, не мог догадываться даже, что "когда Ангелы отошли на небо, пастухи сказали друг другу: пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь..." Овидию Назону, склонному гражданину и опальному поэту, не было дела до какого-то назаретского плотника Иосифа и его жены Марии. Ему не ведом был "младенец, лежащий в яслях", Иисус, Сын Человеческий, ставший Сыном Божиим. Да и сам Иисус еще не знал, что его нарекут Христом, не догадывался о своей Голгофе. Еще все было впереди. Но уже родился Христос...

Николай МИСЮРОВ.
Рис. автора.

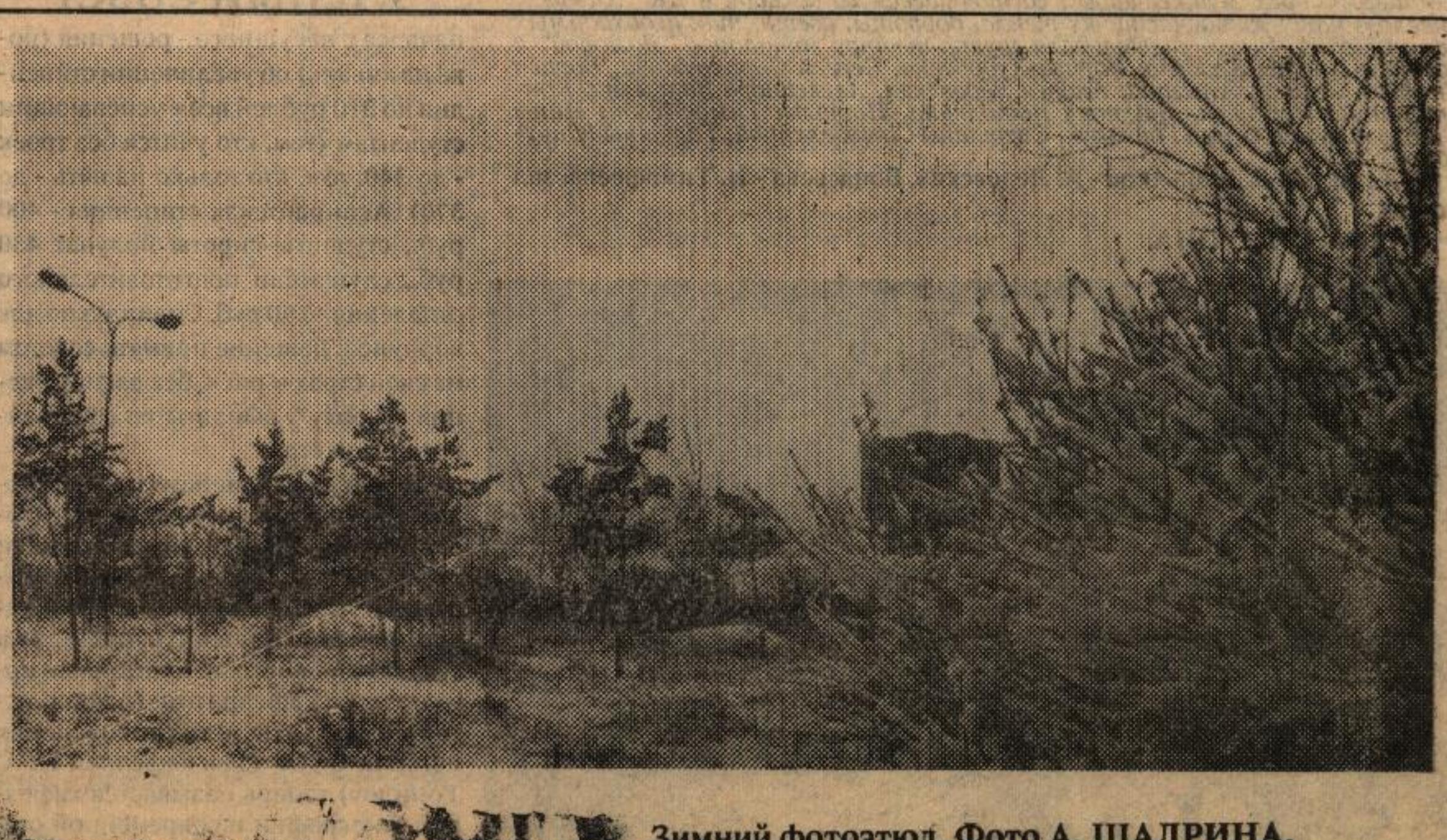
Куда уж круче - аж на зубах вязнет

КВН между ОмГУ и ОГВИ - казалось бы, что за пиц для ума и сердца? Что же, я там был, смотрел на пир, по ушам текло, а в душу не запало. Вроде бы - и обидно, и досадно, нуда ладно».

Ан нет. "ОУ" за 27 декабря прошлого года выдает отклик Л. Сабылиной на КВН - настоящее глянцы по голохке. Вот, мол, ребята старались, а не получилось. Просто - не получилось: А просто не бывает. Когда люди, выходя на сцену от имени "alma mater", не знают слов, сбиваются, или излагают шутки, бороды которых тянутся от сцены до парта в университете, становятся и скучно, и грустно, и некому руку пожать. Ну, ладно, топорная работа - она и есть топорная, но зачем ее на публику, публика-то не виновата! И 59 баллов, заработанных нами, против 106 "ветеринарных" - это, если честно, даже много.

Мне не хочется обижать тех, кто хотел защитить честь университета, кто взялся за это. Но где клич ко всему студенческому племени, где объявление о репетициях университетской команды? Все это - подпольно, тихо, конспиративно. Можно, наверное, с такой программой выступить от имени одной отдельно взятой группы - сугубо перед своими, скажем, на турнире претендентов. А разве в университете так-таки и нечего большого показать? Много хороших людей у нас, да каждый почему-то сам по себе, как князья на Руси во времена оны.

В. ЗЕМЛЯКОВ,
искренний болельщик.

Зимний фотоэтюд. Фото А. ШАДРИНА.

БЫЛЫЕ

/ наброски киносценария /

... 1919 год. Маленький уездный городок в южной губернии России. Разгул соведения, тирания большевизма, типичный пейзаж господства коммунистов - кругом голод, тиф, холера, разруха, массовые расстрелы заложников, неуванные трупы на улицах. Везде грязь, кровь, юркие комиссары в кожанках, с маузерами, портфелями и мандатами. Крупным планом - их лица с яркой печатью дегенеративной тупости, жестокости, хитрости и исторической обремененности.

... ЧК. Подвалы, доверху забитые трупами. Палахи-чекисты. Среди множества уродливых, кровожадных и по-звериному оскалившихся харльиши одно вполне человеческое лицо - доброе, по-русски открытое, с мудрым и проницательным взглядом. Зритель как-то сразу догадывается, что такое лицо может принадлежать только внедренному в ЧК белому офицеру, сотруднику деникинской контрразведки (его играет Вячеслав

Тихонов времен Штирица). Во весь кадр - думающие глаза. Голос за кадром: «Как быть?.. Доблестная Доброзвольская армия уже недалеко от города, и готовящиеся к паническому бегству большевистские твари замышляли самое ужасное из своих злодеяний - поголовный расстрел городской интеллигенции».

Заседание бюро уездного комитета большевиков. Чучело недавно замученного попа в углу комнаты. Абажур из кулацкой кожи на уютно освещющей кабинет настольной лампе. В книжном шкафу - труды основоположников коммунизма и чья-то засущенная голова в офицерской фуражке. За столом вразвалку сидят большевистские заправили уезда - сплошняком явные выродки, негодяи, дебилы, садисты. Определенно выраженной славянской внешностью обладает только один из членов бюро, которого играет Армен Джигарханян. Крепко стиснув зубы, этот не растерявший еще остатков совести человек молча слушает, как его товарищи по

партии обсуждают планы будущего кровопускания. Циничный хохот, 12-этажные матюги, цитаты из Маркса, Ленина, Троцкого и Свердлова. Джигарханян на распутье. Голос за кадром: «Всю жизнь отдал борьбе за воплощение в действительность коммунистической утопии и вот - страшное прозрение... Большевистская партия на деле оказалась алчной сворой политических мошенников, авантюристов, отъявленных подонков и безжалостных убийц!..»

Совещание закончилось. На столе появляются бутылки с самогоном и миски с холодцом.

Ночь накануне вступления в город славных белогвардейцев. Подпольное помещение, где ЧК держит приговоренных к расстрелу. На грязном заплеванном паркетном полу сидят и лежат врачи, учителя, инженеры, агрономы, астрономы, физики, химики, артисты, купцы, чиновники, писатели и поэты - весь цвет местной интеллигентии. Тихие, деликатные, культурные, несуетливые разговоры. Примадонна гастро-лирующей в городе оперы (ее играет Алла Пугачева) поет похоронный марш.

У входа в подвал греются двое чекистов. Из их ленивой беседы, щедро пересыпанной матом и цитатами из последней речи Ленина, зритель с со-догражием узнает, что вчера за городом эти двое изловили некую барышню-гимназистку с луком и грибами. Любительницу грибных блюд они вначале зверски избили, затем изнасиловали, затем застрелили.

- А че? Вкусная была девка! - вспоминая, плотоядно ухмыляется один из карапузы. Ежас от ужаса, зритель далее узнает, что и над Аллой Борисовной нависла страшная угроза. Оказывается, перед ликвидацией каннибалы из чрезвычайки собираются потешиться с нею. Дескать, все одно слепнут бабу, так чего добру без толку пропадать?

Из окружающей тьмы выходят Тихонов и Джигарханян, якобы про-веряющие караулы. Короткая дружеская беседа. Затем наши герои угощают обоих чекистов вначале ма-хоркой, а потом и фиником под ребро. Из мрака появляется еще полтора десятка людей с одинаково одухотворенными и прекрасными лицами - это члены подпольной монархической организации молодежи, с которой удалось связаться Тихонову. Поскольку выпустить интеллигентов из подвалов по какой-то причине нельзя, Тихонов молчит. Час назад, на допросе одного из захваченных в плен комиссаришек, когда тот смачно хрюнул на портре почившего в бозе государя императора, он, - офицер, дворянин, белый контразведчик! - не сдержался и ударил вы-родка. Ударил не сильно, чисто символически, лайковой перчаткой по щеке, но это уже ничего не меняло в ситуации: он, Тихонов, позволил се-

то им надо продержаться в обороне до прихода своих. Роют окопы, заправляют ленту в очень кстати оставленный караулом «максим». И ждут...

...Рассвет. Неутомимо строчит «максим», в упор кося орды краснорожих бойцов РККА. Они падают, но уцелевшие продолжают атаковать, размахивая оружием, красными знаменами и бутылками с самогоном. Один, за другим гибнут смелые юноши-подпольщики. Наконец, в живых остаются только двое - Тихонов и Джигарханян. Кончается последняя лента в «максиме» и патроны в револьверах. Крепко обнявшись, они целуются, а затем, поднявшись во весь рост и стиснув четыре руки свою единственную гранату, ждут приближения улюлюкающих кра- скомов. Но тут из-за холма на лихом коне выносится в развеивающейся бурке моложавый красавец-генерал (его играет Михаил Ульянов середины 60-х годов), а с ним - его прославленная в боях дивизия улан. Побросав винтовки и знамя и крепко прижал к груди бутылки с самогоном, красная сволочь пытается спастись бегством. Из подвала выходят спасенные интеллигенты, радостно обнимают и целуют своих бесстрашных спасителей. Особенно горячо целуются Джигарханян и Пугачева.

Спустя неделю. Тот же городишко. Власть белых. Вседе порядок, дисциплина, спокойствие, изобилие продуктов и товаров в магазинах, множество нарядных барышень на бульварах, вежливые и галантные патрульные, бенефис Аллы Борисовны в театре, уходящие на фронт уланы-ульяновцы. Начальник контразведки, обаятельный полковник с безукоризненными манерами (Юрий Соломин времен «Адъютанта его превосходительства»), нервно хрустит артистически тонкими пальцами, укоряет виновато понурившегося Тихонова:

- Вы, кажется, забыли, штабс-капитан, что работаете уже в ЧК! У нас, милостивый государь, заключенных не бывает, да-с...

Тихонов повинно молчит. Час назад, на допросе одного из захваченных в плен комиссаришек, когда тот смачно хрюнул на портрете почившего в бозе государя императора, он, - офицер, дворянин, белый контразведчик! - не сдержался и ударил вы-родка. Ударил не сильно, чисто символически, лайковой перчаткой по щеке, но это уже ничего не меняло в ситуации: он, Тихонов, позволил се-

бе ударить пустя и большевика, но все-таки - человека!

- Я очень ценю, уважаю и даже люблю вас, Слава! - с горечью говорит Соломин. - Но завтра утром вы будете расстреляны.

Тихонов щелкает каблуками:

- Так точно-с, господин полковник! ... Виноват-с! Заслужил-с!

...За стеной вновь гремят выстрелы, взрываются гранаты и снаряды, стучат по брускатке колеса тачанок и копыта коней, - в город, воспользовавшись уходом на фронт гарнизона, врывается банда Нестора Махно. Несуетливо, с достоинством отстреливаясь, немногочисленные добрамейцы отступают из города в окрестные леса. Тихонов и Джигарханян выбираются через подкоп и тоже бегут в лес.

Обстановка обостряется. На опушке леса появляется группа красноармейцев в сопровождении телеги с самогоном и Аллы Борисовны Пугачевой в аккуратно разорванном от шеи до пят платье. Хрипло распевая «Интернационал», люди в шинелях всем взводом приступают к изнасилованию общенародной любимицы, Аллы Борисовны зовут на помощь, и наши герои не могут не откликнуться на отчаянный зов дамы...

Из-за деревьев гремят меткие выстрелы. Насильники один за другим валяются на землю. Алла Борисовна, всхлипывая от благодарности, целует своих спасителей, причем наиболее старательно - Соломина. В этот самый миг из чаши на выстрелы выбегает вдребезги пьяный батальон РККА. Огонь, дым, комья земли, ничего не видно. Потом из-за деревьев наконец-то выносятся уланы с Ульяновым на голове. Его лихие молодцы косят сабельями краскомов, как сорную траву. Тем временем четверо любимых народом артистов в слегка окровавленном виде лежат на траве. Ульянов спрыгивает с коня и гулко рыдает над их телами. Потом, взявшись за руки Аллу Борисовну, очень долго несет ее куда-то за горизонт, надо поминать - подальше от Соломина. Слезы мужественно стекают по его обветренному в боях с социализмом лицу...

Звучит прекрасная, бессмертная, одухотворенная, великая музыка Баха, Бетховена, Чайковского, Таривердиева и Аллы Борисовны Пугачевой.

КОНЕЦ ФИЛЬМА
Владимир КУЗЕМКО.
(«Мегаполис-экспресс»,
N 44, 1991 г.)
Рис. Б. ОСИПОВА.

Писать можно и без читателя

Потрясающее открытие сделал мистер Мисюров в своей статье: «У капитана Лебядкина есть внуки, сохранившие традиции деда». («ОУ», 6 декабря 1991 г.)

Статья написана мастерски. Литературный лев оскалился на ягненка, осмелившегося сделать робкие шаги на поэтической стезе. Бедный агнец не подозревал, какой каскад уничтожительно-оскорбительных фаз вызовут его невинные пробы пера. Как вы смеете, неизвестные, беспородные, вторгаться на священную территорию владыки филфака? Инфузория, посыпавшая заговорить солнцем на языке богов, инфузория, у которой появилось желание слиться с богами, насладиться волшебной тишиной, увлечься магией строф и звуков. Разум часто подводит в ситуациях, когда важен голос сердца. А что, если у инфузории также есть душа?

А что, если однажды наступит день, когда городской властитель природы, считающий себя венцом мироздания, перестанет осознавать происходящее, будет тупо смотреть на черное дымовое небо, на обреченные останки своего былого величия и посыпать проклятие вечности? А могила человека станет колыбелью новой души, и несчастная инфузория вдруг осознает себя как личность и встанет под знамя Христа или Будды? Мы слишком торопимся развшивать ярлыки, но поспешность хороша разве что при ловле блоков.

В свое время Байрону не советовали писать стихов, Толстой смеялся над Шекспиром, Набоков не заметил гениальности Бродского, который, в свою очередь, видимо, от узвавленного самолюбия, не признавал писательского дара Набокова, Гумилев не увидел таланта собственной жены, а самого Гумилева считали бездарностью многие знаменитые современники. Все относительно. Писатель не более полезен, чем кузнец или ткач.

Для поэта сложение стихов - это священное действие, он

мистически относится к сочетанию слов и приписывает им чудесные свойства. В этом его ошибка. Для большинства людей его стихи бесполезны и не нужны. Общество прет своей дорогой независимо от тех или иных философских систем. И от того, что какой-то поэт-одиночка тешит себя надеждой, что он способен пробудить в людях лучшее, помочь им увидеть другое, ранее непонятное явление, ничто не изменится. Поэту, впрочем, как и сапожнику, трудно осознать, что он не исключителен, и что он - конечная цель.

Но это поэту, а что говорить о несчастной инфузории, с клеймом мелкого незаметного существа, которая вдруг подумала о своей исключительности. Хотя у нее есть все основания на определенную гордость: ведь она прародительница всего многообразия существующих ныне живых форм.

Члены «Клуба одиночных сердец», конечно, не Данте и не Петрарка, не Байроны и не Пушкины. Но и мистер Мисюров тоже ведь не Писарев и не Белинский и даже не пресловутый Бахтин. Он также, как и все, подвластен рефлексии, а именно она - источник бес человеческих. Критика необходима, без хореей критики нет хорошей литературы. Старая истинка, но, увы, верная. Вы имеете право на существование. И нам никуда не деться от этого аспекта. И сатана, и Иуда имеют своих почитателей. Те, кто верят в Христа, объявили крестовые походы против служителей других культов. Но кто дал им право считать свою веру истинной? Свой взгляды и вкусы правильными и непогрешимыми?

Новизна быстро стареет. На ёмкую абсурду КОС приде

что-нибудь другое. Вечное остается вечным. Вычурные,

рассчитанные на свежесть восприятия фразы мистера

Мисюрова так же одряхлеют, как костюм, сшитый Карденом. Нетерпимость живучая, у нее всегда есть свои фанаты, готовые в любую минуту громить инакомысливших.

И пусть писания КОС никому не нужны, это не столь важно.

«Писать можно и без читателей - просто потому что нравится», - сказал один из самых удивительных мастеров пера. По-моему, он прав.

Антон ЧЕРНЫЙ.

Елена ЕФРЕМОВА

Куда уходит год, пройдя свой круг?
Зачем ему идет на смену новый?

Как будут дальше жить мой враг и друг?

Подарят ли мне новый лист кленовый?

Хохочут, плача, спины стройных струн,

Рождая звуки рваные из опер...

И только гулико маленький вешун

Долбится долго в дуги белых ребер.

* * *

Солнце - на целом свете, прыгает, катится, течет.

В солнце смеется снег.

Небо синее в солнце,

Радостней - человек.

Мчится по льду со смехом,

Падает в снег и... вдруг

Белые кони пальцев

Тинут упряжки рук.

ЛЕКЦИЯ

Полная аудитория.

В ячейках тел - яйца лиц.

Вот было бы хорошо:

Лица бы не были вареными,

Из каждого яйца

Вылупился бы птенчик

Души.

- 32 -

Елена МУРАШЕВА

(Продолжение. Начало в № 13 (38) за 1991 г.)

Глава 8

Две нечаянные встречи

Тролля, которого Эльрун встретила в своем гараже и отпустила на все четыре стороны, звали Флин. Она не знала, что тролль, поклявшийся Синим Пламенем, никогда не нарушит клятву, а потому сразу забыла об этом тролле. Между тем Флин искал способ ей помочь, дабы не стать клятвопреступником.

Индрек ушел из Норхольта куда глаза глядят и на большой дороге встретился с Флином, который нес его рюкзак, оставленный в подземелье.

- Здравствуйте, господин Индрек, - как можно вежливее сказал тролль.

- Здравствуй, - насупленно, хотя и без страха, ответил Индрек. Как и все, родившиеся в Дурной Земле, он не боялся троллей, зная, что договориться с ними бывает можно.

Порывшись в рюкзаке, Индрек убедился, что ничего не пропало. Спросил:

- А чего это ты так обо мне заботишься?

- Я дал клятву госпоже Эльрун...

Индрек был знаком с обычаями троллей, но никогда не задумывался об их причинах.

- Почему же ты разыскал меня, а не ее?

- Эльрун в беде! Они схватили ее и спрятали в Гнезде Грифа.

Индрек весь похолодел: «Что теперь будет?» К счастью, он знал не только местонахождение Гнезда Грифа, но и как куда попасть.

Сигрид бредила. Ведьмье быстро надоело ухаживать за ней, и она удрала из-замка на шабаш. Морской ветер тянул по коридорам, залам и галереям замка, и там же прогуливались призраки воинов, живших здесь когда-то.

В горле у девушки пересохло, но воды в замке не было, да и будь она - все равно Сигрид не могла встать. Она лежала на старинной деревянной кровати с высокими спинками, а подстилкой и одеялом ей служили солдатские плащи и красивые старые шпалеры, в изобилии найденные в замке. Ей казалось, что она куда-то проваливается.

Она пришла в себя, когда чья-то прохладная ладонь легла на ее пылающий лоб. С трудом разомкнув глаза, она увидела юношу с приятным широкоскульным лицом и темно-зелеными глазами.

- Индрек, - прошептала она, вспомнив фотографию, которую как-то раз прислала сестра.

- Это я, Эльрун. Ничего не бойся, я с тобой.

У Сигрид не было сил говорить, и она не сказала Индреку, что он ошибся.

До сих пор любовь Индрека к Эльрун едва теплилась, он относился к ней только как к невесте своего побратима. Но теперь, когда Андвар предал их обоих... И у Эльрун нет больше никого, кроме него, Индрека... Теперь, когда никто больше не стоял между ним и Эльрун, любовь Индрека вспыхнула ярким пламенем.

- Индрек, как ты сюда попал? - спросила Сигрид, когда ей стало лучше.

- 34 -

Андвар не вмешивался в перебранку - напротив, он от души желал сванхеймцам обнаружить вражьи корабли. Но ближе к вечеру легкий и прохладный туман расселился над морем, скрыв эскадру от посторонних глаз. И Андвар решил рискнуть. Он как можно тише скользнул в воду и поплыл к железному берегу.

Выбравшись из воды, парень едва держался на ногах от усталости: удар по голове все же давал о себе знать, да к тому же он наглотался соленой воды, и его тошнило.

Он не без труда вскарабкался на высокий берег и огляделся. Местность вокруг была красива и пустынна. Над деревьями возвышалась колокольня.

Андвар вспомнил, что такие колокольни установлены по всему сванхеймскому побережью для того, чтобы каждый, кто заметит неприятельские корабли, мог поднять тревогу. Что ж, именно это следовало сейчас сделать Андвару.

Пощатываясь, он побрел к колокольне. Массивная прочная дверь оказалась открытой, внутри не было ничего, кроме лестницы. Андвар поднялся на звонарную площадку.

Он не увидел моря, но в долине между двумя холмами виднелась деревня, где, несомненно, колокольный звон будет услышан.

Вздохнув, Андвар взялся за канаты от колоколов, и чудный малиновый звон разился над холмами, долинами и морем. Но от этого звона у Андвара еще сильнее разболелась голова. Устав, он без сил опустился на серые от времени доски.

Когда Слейпнир ступил на землю Сванхейма, Эльрун дала Луне полную свободу, не подумав о последствиях. В результате девятый вал обрушился на эскадру Ниттода, сорвал ее с мели и швырнул на прибрежные скалы. Одни солдаты утонули, другие смогли-таки выбраться на берег, который их не ждал.

Ничего этого не подозревая, Эльрун ехала по дороге, вьющейся вдоль берега. Уже смеркнулось, и к тому же собиралась гроза. Девушка увидела одиноко стоящую колокольню и решила, что лучшего места для ночлега она найти не успеет, скоро ведь хлынет ливень.

Внутри было темно и тихо, точно в склепе, но это не испугало Эльрун. Она сняла с коня седло и узелку, зажгла фонарик и стала готовиться к ужину. Закусив консервами и сухариками и залив их дождевой водой (эх, жаль чай не на чем согреть), она почувствовала себя лучше, ее даже разморило. Пора спать, подумала она, но Слейпнир почему-то нервничал, мотал мордой, стриг ушами.

- Слейпнир, тебя тревожит что-нибудь?

Конь заржал, и Эльрун поняла: «Там, наверху, кто-то есть!»

Эльрун удивилась, но решила поверить. Надела пояс с кабурами и ножами и шагнула к лестнице.

Сквозь забытье Андвару показалось, что солнце светит ему прямо в глаза, он изо всех сил зажмурился, но сознание его уже проснулось. Куда же я попал, соображал он, и как неудобно лежать! Тут он открыл глаза.

Солнце не было, был только маленький фонарик. Его держал юноша, почти мальчик с удивительно знакомым лицом. Небольшой аккуратный носик, и пухлые, слегка вздрагивающие губы, и нежно очерченный подбородок с ямочкой, и длинные глаза редкого цвета - зеленовато-золотистые. Андвар вспомнил, что совсем недавно видел у кого-то такие же глаза. У Сигрид? Но это не она... Имя слетело с губ Андвара прежде, чем родилась в его голове.

- Ты Эльрун, - едва слышно произнес он.

- Это я, Андвар. Господи, я искала сестру, а нашла тебя!

При упоминании о Сигрид парень весь съежился. Он боялся, что с Эльрун у него выйдет то же самое, что и с Индреком, а потому сразу взял быка за рога.

- Эльрун, ты можешь не поверить, это непохоже на правду, но все же я хочу, чтобы ты поверила... Я был в плену, и со мной что-то сделали, отчего я все забыл. Понимаешь?

- 33 -

- Это очень просто, Эльрун. Внутри скалы - винтовая лестница. Выход, конечно, замаскирован. Но мы с парнями, когда я здесь жил, не раз сюда забирались - выпить вина и повеселиться.

Эльрун была уверена, что только колдун Храви сможет помочь ей найти Индрека и сестру, а может быть, и Андвара. Ей довольно быстро удалось отыскать озеро и остров, на котором стоял дом волшебника. Но его хижина оказалась пустой, и было похоже, там давно уже никто не живет.

Тогда Эльрун поехала в ближайшую деревню. Она придержала коня возле дома местного чародея и с надменной гримасой спесивого рыцаря вошла в это скромное жилище.

У печки хлопотала женщина волшебника. Эта женщина, к счастью, оказалась не только болтлива, но и хорошо осведомлена в местных новостях. За две золотые монеты Эльрун узнала то, что хотела знать.

- Храви, говорите? Да, это большой колдун был! Между нами говоря, мой муж супротив него никогда не годился... Да, большим человеком стал Храви, ну так по заслугам и честь! Она конечно, моего мужа люди теперь чаще приглашать стали, но все равно у него такой силы нет... Королем в Сванхейме пригласили Хравна. Вот решили они там, стало быть, что сильнее его нету другого чародея...

Эльрун спросила кружку молока для себя и ведро воды для Слейпнира. Больше здесь делать было нечего, и она уехала на запад, к морю. Уж если Храви стал королем, то он тем более должен помочь в ее деле!

Подороге она разузнала, как быстрее всего попасть в заморскую страну. Только четырнадцать миль отделяли ее от мыса Чайкин Клюв. Между мысом и берегом Сванхейма тянется коса, которая почти обнажается в отлив.

Эльрун стояла на самом краю мыса и размышляла... Отлив длится только шесть часов, следовательно, перебраться с берега на берег не успеет, даже если конь не сбьется с косы. Она вспомнила историю о том, как Карл Великий, мстя за Роланда, приказал солнцу остановиться, чтобы истребить всех мавров. Вспомнила сходный сюжет из Библии. И решила рискнуть, потому что чувствовала в себе невероятную силу.

Итак, приказав Луне на время замедлить движение по небу, леди Эльрун вместе со Слейпниром спустилась в морской пролив.

Судьба была милостива к Индреку: он не пролил крови своего побратима. Через некоторое время после удара по голове Андвар очнулся, чувствуя себя совершенно здоровым. Только о встрече с Индреком и о своих планах бегства он забыл.

Утром сотник Андвар вместе со всем войском взошел на борт корабля, несущего в благодатный Сванхейм войну. Ему не хотелось воевать, но он помнил, что должен зачем-то попасть в Сванхейм.

В море на Андвара сразу же напала морская болезнь. Он забрался под шлюпку и старался лежать совершенно неподвижно из-за головокружения. Зато к нему постепенно вернулась память.

Правда, не о далеком прошлом, не о том, что было до того, как он попал в царство Лодура, а лишь о недавних событиях. Он припомнил свое обещание Сигрид, и нелепуюссору с Индреком. «Почему он не захотел меня высушить, да еще и по голове чем-то ударил, - с горечью думал Андвар. - Ведь мы с ним побратимы! Неужели мое преступление так страшно, что за него не может быть прощения?»

Они плыли весь день и всю ночь, а на следующий день сели на мель. Вся эскадра. Капитан и матросы бралились - никогда, дескать, не было такого сильного отлива, к тому же не ко времени. Офицеры тоже ругались на чем свет стоит - до Сванхейма рукой подать, эскадру могли обнаружить. Может быть, король Харальд специально устроил эту отмель, он ведь волшебник?

- 34 -

- 35 -

Ничего не понял, Эльрун улыбалась.

- Но ведь меня ты не забыл!

- Да, я узнал твоё лицо, но я не помню, что у нас с тобой было.

Эльрун сказала капризно:

- Но ведь ты любишь меня, Андвар!

- Да, люблю. И не по своей воле ничего не могу вспомнить.

- Я расскажу тебе, Андвар, все, что знаю. А потом мы поедем к твоему отцу, и он вернет тебе память.

Они не спали почти всю ночь, но не обращали внимания на грозу. Эльрун рассказала все, как было, умолчав лишь о том, что любила другого. Андвар же, хоть и не вспомнил ничего из рассказанных ею, все же почувствовал облегчение от того, что перестал быть человеком без биографии.

А сама Эльрун совершенно опалела от счастья. Она даже не задумалась о том, что в жизни Андвара может быть что-то недостойное и что неожиданная их встреча выглядит более чем странно.

- Я виновата перед тобой, Андвар, - закончила она, - мне кажется, что если бы мы были вместе, с тобой не случилась бы эта беда. Ты не догадывался, что нарвишься мне, а меня это взвесило...

- Ты у меня лучше всех на свете, - сказал Андвар.

Они задремали только тогда, когда черное ночное небо стало жемчужно-серым. А вскоре их разбудил топот людей, поднимавшихся по лестнице.

Вскочив, Эльрун лихорадочно оправила волосы, больше ничего не нужно было делать, потому что она спала одетой. Андвар побледнел, но девушка смотрела не на него, а на дверь. Она увидела несколько сванхеймских солдат со словами с офицером. Сванхеймцы были красивыми людьми, и Эльрун ее могла почувствовать симпатию к вошедшему, если бы они были настроены более дружелюбно.

- Вы арестованы, сопротивляться бесполезно! - серьезно сказал офицер.

- Так-то в благодатном Сванхейме встречают гостей! - возмутилась Эльрун.

- Ты - рыцарь из Ульфсхольта, и не знаешь, что никогда жители Дурной Земли не проходили в Сванхейм с добром?

- Как - из Дурной Земли?

- Ты никогда не видел солдат Драгонвульфа?

- Это неправда, этого не может быть! - хотела крикнуть Эльрун, но встретилась взглядом с насмерть прегорянным Андваром и поняла: может. Невероятно, но факт.

- Никто из вас не подойдет ко мне! - сорвавшимся голосом воскликнула она, схватилась за пистолет и выстрелила в потолок. Выстрел смыкался с колокольным звоном. Солдаты оторопели, а Эльрун воспользовалась этим. Она вспрыгнула на подоконник.

Прежде, чем спрыгнуть вниз, она обернулась и увидела лицо Андвара: на нем был запечатлен болевой шок.

У Сигрид миновал кризис, и теперь она лежала вся в испарине. Индрек вызвался приготовить ей ванну. В качестве ванны он приспособил большое деревянное корыто для стирки белья, найденное в замке; пара ведер там тоже нашлась, и он бегал за водой вниз. Сигрид же лежала и думала об Эльрун.

И что за человек ее сестра? Поклонников у нее было немногих, но в ее влюблялись только прекрасные парни. Другие, должно быть, видели в ней горький упрек своему несовершенству.

Но хорошие люди всегда тянулись к Эльрун. Что Дик, что Индрек. Сигрид никогда раньше не страдала от зависти, но сейчас ее колынуло нечто подобное. Почему все всегда доставалось Эльрун? И таланты, и слава, друзья... Вот зачем ей, например, Индрек,